

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В.И. Шубин

Левит-Броун Б. ...Чего же боле? - Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. - 575 с.; тираж 1500 экз.;

Левит-Броун Б. Внутри X/Б (впечатление). - Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. - 266 с.; тираж 1 тыс. экз.

Роман и повесть вышли в серии «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы».

«...Чего же боле?» - роман в письмах о Любви и Вечности; его вполне можно было бы назвать и другими пушкинскими словами: «Безумный сердца разговор...»

При всей его напряженной чувственности, при всем обжигающем лиризме роман Бориса Левита-Броуна «...Чего же боле?» невозможно целиком уместить в жанр любовного романа, хотя, несомненно, прежде всего – это роман о Любви. Это роман о Любви и роман раздумий над Любовью, над ее земной и вечной судьбой. Все в этой книге не похоже на привычную жизнь, хотя все это – Жизнь... Жизнь в экстремах духовных и душевных напряжений. Философ мог бы определить экзистенциальное русло этого романа так: нетипичное, как предмет художественной рефлексии. О любви, как правило, пишут с позиции несчастья, страдания, неосуществленности, ибо Любовь почти всегда несчастна в этом мире.

«...Чего же боле?» - роман в письмах, но это не простая переписка. Обмен письмами образует лишь одну, возможно, самую душевно насыщенную, но не единственную линию. Их в романе несколько, они разнообразны, фабульно непредсказуемы. Книга Б. Левита-Броуна – это полифония голосов, центрированная чувством, мыслью и действием лирического героя, который взял на себя «возмутительную» с точки зрения прописной морали задачу рассказать о своих отношениях одновременно с несколькими женщинами. И все это повествование неразрывно переплетено с вечными «проклятыми» вопросами о смысле жизни, ценности человеческих чувств, о Боге и ответственности перед Богом. Сплетая события реальной физической жизни с внутренней событийностью интимной переписки и жестоким самоанализом, автор доводит повествование до огромного внутреннего напряжения. Его герой проходит двухлетний путь вместе со своими героинями и приходит к финалу, столь же неожиданному, сколь потрясающему душу, ибо в нем, в этом финале, тьма и свет, конец и бесконечность, время и вечность, побежденность жизнью и непобедимость Любви.

В романе есть все, что отличает настоящую большую книгу: неповторимость языка, своеобразие стиля, плотность композиции, богатство выразительных средств и лаконизм, порой даже скупость в их использовании. Но все же главное не это. Главное и редкое свойство этой книги – удивительное единство эмоционального и интеллектуального планов, сращенность душевного и духовного начала. Сердце и ум здесь воистину сочетались в единое целое: острый лиризм – с глубочайшими метафизическими исканиями, зов сердца и жажда плоти – с голосом совести, нестерпимость

страсти – с мукой – с мукой раскаяния. Это действительно лирико-философский роман, написанный или, лучше сказать, рожденный поэтом и мыслителем, человеком во плоти и крови, но человеком верующим в Бога, а стало быть, желающим нового неба и новой земли себе и своим читателям.

Любой роман психологичен, поскольку ориентирован на человеческую субъективность. На первом плане – внутренняя динамика, то есть душевно-духовная активность, порождающая цепь внешних событий-поступков. На этом стоял и стоять будет роман как литературный жанр. Однако время вносит и свои коррективы. С общим усилением внимания к внутреннему миру человека (в психологии – психоанализ, в философии – экзистенциализм) психологический пласт романа углубляется, а в XX в. нередко превращается в самодовлеющий, что привело к кризису жанра. В этом смысле в романе Б. Левита-Броуна выдержана мера. Самоанализ не превращается в самоцель, в безысходное самокопание, в аморфный поток чувств и мыслей. Эпистолярная линия романа дает возможность диалога, через который совершается чудо духовного преображения одной из героинь. Под влиянием писем лирического героя происходит пересмотр собственной жизни и поворот к вечным ценностям, а Любовь делает этот трудный внутренний процесс стремительным и захватывающим.

Да, это роман о Любви, силою которой совершается «внутренняя революция» (так определял Любовь тургеневский Рудин). Любовь – это великое испытание человека, которое он либо не выдерживает, как Галя (вторая героиня романа), и не выходит из состояния духовной стагнации, либо, вырвавшись из оков душевной трусости и бессилия, прорывается к Личности в себе, раскрывает новые горизонты. Такова судьба Татьяны, с которой ведет переписку лирический герой. Судьбы героинь романа весьма поучительны. «Кто любит – тот любим, кто светел, тот и свят». Татьяна любит, Галя желает, чтобы ее любили, но в одном только желании быть любимой, даже если оно и очень страстно, невозможна экзистенциальная встреча, недостижимо духовное единство, ибо «встреча горизонтов» (Гадамер) возможна лишь во встречных усилиях двух душ. Когда совершаются эти встречные усилия душ, тогда Любовь может совершить чудеса: обратить чудовище в прекрасного принца, как в «Аленьком цветочке», сделать Золушку принцессой. Любовь возвышает, раскрывает мир иной, иные, вечные ценности, и пусть роман завершается на трагическом аккорде, но в читателе торжествует чувство просветления, ибо хотя рапсодия Любви и прервана, но судьба Татьяны озаряется надмирным светом.

Сюжетной канвой романа, конечно, является эпистолярная линия «лирический герой – Татьяна». Динамика физических событий схвачена сюжетной линией «лирический герой – Галя». Здесь живой диалог, осязаемы отношения, но насколько они бледнее монологов писем Татьяны и к ней! Эти монологи переходят в подлинный экзистенциальный диалог Личностей, во взаимопроникновение двух миров, в напряженные искания своего «Я», в сопереживание и взаимопонимание, нарастающее от письма к письму. Роман поэтому читается с нарастающим интересом, затрагивает самые сокровенные струнки души, но и взывает к самооценке читателя. Этой последней способствует то, что интеллектуальный пласт романа весьма значителен. Религиозная философия Николая Бердяева, проблема

свободы, смысл жизни и назначение человека, ценность Любви и творчества, великая миссия веры, испытание смертью - все эти и многие другие смысложизненные вопросы насыщают письма Татьяны и ответы лирического героя, и озаряют ее Любовь смыслом, великой мыслью о человеческой судьбе и предназначении. Такая Любовь не может стать слепой или злой, вопреки расхожим сентенциям.

На сопоставлении двух сюжетных линий романа особенно видно, насколько справедливо изречение: каков человек – такова и любовь. Чувствует каждый, но любовь, - если это подлинно ЛЮБОВЬ, - не сводима только к эмоциям. В Любви творится Красота и Правда, и это требует усилий, предполагает духовное восхождение. Чаще всего, возникнув, Любовь умирает из-за того, что кто-то один или оба убивают ее сугубым потребительством, эгоистическим желанием лишь быть любимыми. Любовь подлинно совершается лишь в акте веры и доверия, в готовности совершить трудный путь сближения, то есть эмоционального, нравственного и интеллектуального взаимообретения. Тогда она подлинно творит чудеса, тогда она неподвластна смерти. Что это именно так, прекрасно показано в романе Б. Левита-Броуна «... Чего же боле?»

Но от самого начала и до конца повествования над романом и над читателем висит мутное облако некоего «щекотливого» вопроса. Абсолютная нетипичность ситуации заключается даже не в том, что герой романа живет в счастливом браке, когда с ним начинают происходить события лирического свойства. Нетипичность здесь прямо персонифицирована в образе женщины, третьей женщины романа, которую автор окрестил «ненормальной женой». И невольно спрашиваешь себя, следя за тем, как разворачиваются события романа: «Как же так?», «А может он все это придумал?», «Да возможно ли такое?» возникающая уже на первой странице романа «ненормальная жена», которую герой еще именует «подругой» и «женщиной жизни», подает ему первое письмо Татьяны. Да, да ... подает, а не разрывает в клочья, собственному мужу признание в любви от другой. На протяжении всего романа эта женщина постоянно в курсе переписки своего мужа с Татьяной. Более того, и это уже совершенно непредставимо, она не препятствует его встрече и отношениям с Галей. Все это можно было бы легко принять, если бы перед нами открывалась картина брака выгоревшего, где оба уже давно равнодушны друг к другу. Но мы читаем повесть о человеке, живущем в любви и взаимопонимании с женщиной жизни.

Так что же – просто придумано? Взято с потолка? Нет ... уж слишком убедительно, почти автобиографично написан и образ самого лирического героя, и образ его «ненормальной жены». В этой третьей, самой скупой, но, быть может, самой глубокой в душевном и нравственном аспекте линии романа не теоретически, а конкретно-образно дается ответ на вопрос – что же такое на самом деле Любовь? Сюжетная линия «лирический герой – жена» более всего этически нагружена. Она есть подлинно соль всего романа. И вся сила, вся внутренняя значимость этой линии в уникальности, нетипичности. Как же это в самом деле? Без приступов ревности, без скандалов, разводов, без всех этих печально известных диких выходов, которые сопровождают в абсолютном большинстве случаев «решение семейных проблем», а в действительности убивают не то что любовь, а послед-

ние капли симпатии и взаимного уважения в людях, которые на протяжении многих лет могли честно полагать себя близкими. Все нетипично в отношении лирического героя с его женой, причем именно в самой болезненной, самой интимной сфере отношений, то есть именно там, где обнажается, как правило, вся низменная подноготная так называемой «естественной морали», где темное и себялюбивое считается нормальным, где без всякого стыда люди предъявляют права друг на друга как на собственность, где наш обыденный и привычный мир вдруг показывает свое истинное и страшное лицо – лицо королевства кривых зеркал. В таком мире столь чистые и безгранично доверительные отношения, как отношения лирического героя романа и его «ненормальной жены» могут быть только исключением, удивительным феноменом, малообъяснимым и неправдоподобным, органически не вырастающим из почвы мира, ибо почва эта отравлена ядом эгоизма, одного из тягчайших человеческих грехов. Чудо является миру, а не рождается им. Для оценки чуда требуется, так сказать, неэвклидова мораль, порывающая с узами обыденности. Роман живо и непосредственно практически дает нам эту неэвклидову мораль. Распалась семья? Нет. Разлюбили друг друга герой и его «ненормальная жена»? Тоже нет. Совершилась измена? Как ни поразительно, но и на этот вопрос роман дает художественно убедительный отрицательный ответ. Ответы, которые находит «ненормальная жена» в ситуациях лирических перипетий своего «негодного мужа», есть ответы экзистенциально-духовные. Они не предусматриваются ни естественной моралью, ни социальной или деловой психологией. Все это бесконечное и безысходное «слишком человеческое» (Ницше) оказывается ниже духовного и нравственного уровня героини, и в этом смысле она действительно есть «ненормальная жена». Как же такое возможно? А как возможно появление пророков и святых в человеческом муравейнике? Как возможно возникновение творческих гениев? Непонятно, но есть; парадоксально, но имеет место, необъяснимо, но врывается в обыденность, опровергая всю незыблемость «житейской мудрости» и вызывая у одних изумление, а у других брюзжание «этого не может быть, потому что просто быть не может!»

А может быть, все проще?! Может быть, мы так опустили, так упростили жизнь, так тотально лишили ее света, возвышенности, так пренебрегли возвышающими душу стремлениями, что подлинно человеческие отношения стали казаться нам чудом, странностью, психической аномалией... чем-то уже почти нечеловеческим, на что способны только герои, святые, гении, подвижники, пророки, - то есть кто угодно, но только не мы – простые люди?! А может быть все-таки не стоит закапывать себя в землю только ради того, чтобы оправдать в себе и для себя торжество животной природы? Оно, конечно, проще... проще жить растительно-животной жизнью, чем вспомнить свой истинный Образ и Подобие. Проще пестовать в себе зверино-эгоистическое начало, чем бороться с ним. Вот только люди ли мы в этой привычной и так любезной нам обыденной жизни? Да и подлинно ли это: Жизнь – наше получеловеческое существование?

В конце романа лирический герой называет свою «ненормальную жену» королевой. Да много ли таких королев сидело когда-либо на мирских тронах? Перед этой женщиной и королевы нередко не более чем прачки.

Удивительно ли, что по ходу повествования одна из героинь романа целует руки этой ни на что в мире не похожей «ненормальной жене»!

Любовь как дар и дарящее, как отдающее без расчета на адекватное возмещение; любовь не как жертва, а как милость любимому: без претензий, без требований и упреков, любовь как незатухающий порыв к единству - такая любовь выше ревности и себялюбия. Освобожденная от корысти любовь только и становится любовью, обретает духовно-экзистенциальный вектор, освобождается от пугала измен. Роман «...Чего же боле?» написан высоким слогом русского литературного языка. В нем прозаический стиль переплетается с поэтическим. В тексте много стихов, в том числе и авторских, что создает особую доверительно-проникновенную атмосферу нежности, в которую неизбежно погружается читатель. Кроме того, в романе частично использованы сюжеты из альбома графических работ Б. Левита-Броуна «НОМО EROTİKUS».

Роман Б. Левита-Броуна написан о женщинах и главным образом для женщин. Не в социальных ролях, а прежде всего в Любви призвана выразить себя Женщина. Но какое надругательство над этим высоким чувством мы видим на каждом шагу! Ценность романа, его духовно-эстетический смысл в том и заключается, что писатель не просто создал три художественно ярких образа женщин, но предложил читателю три видения любви. Сам же автор не скрывает своих предпочтений: планка Любви высока, она требует морального мужества, предьявляет душе человеческой непреклонное требование восхождения. А для этого нужен идеал! Блаженны те, кто имеет и хранит его...

Вторая книга прозы Бориса Б. Левита-Броуна, «Внутри Х/Б» - книга об армии и об армейской службе. Это история погружения молодого человека в армейскую реальность, где редкое взаимопонимание с трудом противостоит глухой непримиримости. Это рассказ о том, как легко даже малая власть превращает людей в чудовищ, и о том, как любовь помогает пройти через тьму тотальной отчужденности. Написанная ярким, сильным языком, книга «Внутри Х/Б» являет тот редкий случай, когда жесткая проза сочетается с пронзительной лирикой. Нечто личное в этой книге найдет для себя каждый, кто когда-либо носил военную форму, и каждая, кто провожала в армию сына или возлюбленного, а потом ждала его возвращения домой.

Рецензия на книгу была опубликована в «Книжном обозрении». Автор ее, Сердюченко В., достаточно высоко оценивает повесть Б. Левита-Броуна, и все, в чем я согласен с рецензентом, перенесено мною в настоящий обзор. Но есть с моей стороны ряд возражений и дополнений.

Прежде всего надо учитывать два фактора, которые повлияли на восприятие армейской атмосферы основным героем книги: это криминализация общества и изнеженность новых поколений, оторванных от физического труда и заброшенных в каменные джунгли. Тюрьма и концлагерь с их неписаными законами проникли в армейскую жизнь. Это и должно было случиться, поскольку армия – сегмент социальной сферы, поэтому каковы люди социосферы – такова и армия. Произвол в отношении к подчиненным; подчеркнутое стремление к унижению человеческого достоинства ниже стоящих и, наоборот, раболепие перед вышестоящими; жестокость и бездушность; психологический и физический садизм; полное игнорирование

сложности человеческой природы; примитивная социальная технология, нацеленная на инструментализацию мира человеческих отношений – все это было и на «гражданке». Она же разновидность все того же «архипелага». Так откуда же такой вопль страха и отчаяния?! Ответ прост. В армии все перечисленные факторы интегрированы, равно как в тюрьме и концлагере. Но на «гражданке» человек может найти опору в семье, в кругу друзей, в различных «хобби». Армия такого выбора не дает. В то же время оторванные от привычной среды молодые люди ни физически, ни психологически не закалены. Заброшенные в суровую атмосферу, лишенные даже намека на личную защищенность, они, конечно, воспринимают армию как мир торжествующего зла и насилия и, как показано в книге, со временем из объекта произвола и насилия сами становятся его субъектами – носителями. Так воспроизводится мир извращенных человеческих отношений. Ни тюрьма, ни армия никого не исправляют, а испортить могут любого. Известно, что худшими господами были бывшие рабы и крепостные. Цицерона выдал его раб-вольнотпущенник. Только сильные духом могут противостоять эскалации зла, то есть не отвечать злом на зло. Андрей Платонов и в концлагере остался Человеком; то же самое можно сказать и о герое, и об авторе книги, прошедшем военную службу.

Оказавшись в армии в необычно позднем возрасте, он остро чувствует душевное смятение восемнадцатилетнего мальчика, в одночасье рухнувшего из «гражданки» в царство окриков и пинков. Повесть буквально перстрит строевыми командами, уставными формулировками, казарменным жаргоном. А еще она звенит пронзительной нотой душевного несогласия и анафемой всему армейскому распорядку. Призывник, новобранец, курсант, наконец, сержант - Левит-Броун чувствует себя одинаково отвратительно во всех этих ипостасях. Он явно неармейский. Есть такие люди. Армия этого не понимает и не должна понимать. Левит – Броун написал книгу о Страхе и Власти, ибо познал беспредел курсантского страха и беспредел сержантской власти. Это книга о том, как страх и власть затягивают жизнь в чудовищный узел абсурда. Армия, как и тюрьма, нередко обнажает худшее в человеке. Заурядный хулиган, получивший сержантские лычки, а вместе с ними и неограниченную власть над своим подразделением – уже готовый монстр. Система функционирует на подчинении. Подчинение вбито гвоздем страха в глухую стенку власти. «Самыми жестокими были только что получившие власть» - это о свежее испеченных сержантах, еще вчера немо глотавших пинки и зуботычины от «стариков». Так воспроизводит себя система.

В последней трети XX в. в Советском Союзе совпали два процесса. На арену жизни вышли теневой капитал и изнеженное поколение. Оба процесса размывали советскую идеологию и двигали страну в сторону потребительского общества. Чем это закончилось – известно. Брежневское время есть эпоха тотальной коррупции и подкупа. Криминализация, а с ней и все формы девиантного поведения новых поколений набирали силу, равно как и потребительская психология и культ гедонизма. Все это не могло не сказаться на армии. «Дедовщина» быстро набирала силу, а способность незакаленных поколений новобранцев выдерживать армейские нагрузки становилась проблематичной, но и то, и другое официальными органами длительное время замалчивалось. Так называемые неуставные отношения в

армии как были, так и остались. Что же касается способности выдержать армейскую службу, то тенденция тут давно определилась в армиях Европы и Америки, а именно: снижение планки требований на выносливость, повышение комфортности условий и уменьшение срока службы. В свое время декабристы планировали в случае прихода к власти уменьшить срок службы с 25 до 15 лет. Ныне 2 года считаются большим сроком, предлагается призывать на год. Прогресс это или регресс – пусть каждый считает сам, но для меня ясно одно - это уже не армия.

На всем пространстве СНГ идут активные дискуссии о путях реорганизации армии. Что тут можно сказать? Автор книги явно против той системы, которая обязывала к военной службе. Военная история испробовала все виды армий: княжеская дружина, народное ополчение, постоянная армия, регулярная армия, наемная армия, всеобщее вооружение народа как альтернатива армии. Все они ни хороши и ни плохи; таковыми они становятся в конкретной ситуации. Очевидно, без армии в обозримом будущем не обойтись и по двум следующим причинам: во-первых, с ростом населения и исчерпанием ресурсов на Земле геополитическая напряженность будет усиливаться, а во-вторых, возрастающие антропогенные нагрузки на природную среду будут вызывать все более масштабные стихийные бедствия, требующие для минимизации их последствий организованной силы. Таким образом, в обозримом будущем потребность в армии не уменьшится, а скорее наоборот. Но армии нужны не хнытики-гедоники, а сильные и волевые мужчины, способные переносить лишения и опасности. Реформы армии должны быть ориентированы в этом направлении, а не по сценариям Комитета солдатских матерей.

Все громче звучит мнение, что армия должна строиться на добровольной основе. И так должно быть, однако на одной добровольности далеко не уедешь, необходима и обязательная служба. Столь серьезное дело как армия не должно зависеть только от «хочу - не хочу». Напомню, что в России до реформы 1861 г. армия и флот формировались из рекрутов, то есть на принудительной основе и зачастую на всю жизнь. XVIII в. – это золотой век русского оружия. При Петре I, Елизавете и Екатерине II русская армия одержала победы в войнах с Ираном, Турцией, Швецией, Пруссией, Польшей, а ведь ни солдаты, ни офицеры не были добровольцами. Надлом произошел во время наполеоновских войн. У руководства государства и армии не хватило воли к победе, они заняли оборонительную позицию. Военная историография не говорит всю правду, а она в следующем: во время Бородинского сражения Наполеон наступал с меньшими силами и фактически победил. Отступающую русскую армию преследовал лишь один корпус Мюрата. К тому же, были брошены на растерзание французам 22 тыс. раненых. Это вообще позорный факт, свидетельствующий против организованного отступления. Более того, во время ухода французской армии из России на реке Березине можно было окончательно разгромить Наполеона и поставить точку в 25-летней военной экспансии Франции. Но бездарное руководство Кутузова привело к тому, что три русских корпуса действовали несогласованно и позволили ускользнуть Наполеону. Крылов отозвался на это преступное головопатыство басней «Лебедь, рак и щука», а Европу почти до середины 1815 г. продолжали сотрясать войны.

Коснусь и проблемы жанра книги Б. Левита-Броуна. Вряд ли можно согласиться с мнением рецензента, что это «лирический дневник». По жанру это скорее всего психологическая повесть, но не та, в которой раскрывается диалектика души, как, допустим, в повестях Достоевского или Толстого. И это не просто путеводитель по армейскому быту, как утверждается в рецензии, а скорее исступленный репортаж о собственных переживаниях. Такой подход predetermined стиль повести, переполненный экспрессией, бьющий ключом эмоций на грани психического стресса. Это, конечно, позволяет автору передать все «прелести» армейской службы, но и сгущение красок тоже неизбежно. Надо помнить, что оценка армии дается исключительно изнутри. Вне данного контекста может иметь место смещение акцента, то есть повесть может быть воспринята как содержащая только отрицательное отношение к армии. Между тем абстрактный пацифизм, который резко отвергал Н.А. Бердяев, может быть лишь прикрытием для того, чтобы уклониться от гражданского долга и связанных с его исполнением неизбежных трудностей.

Главный герой повести – сам писатель Б. Левит-Броун. «Внутри Х/Б» по своей личностной направленности можно рассматривать как литературный автопортрет, а ведь автопортретом в литературе как раз и является исповедь. Истинные художники, к числу которых, несомненно, принадлежит и автор повести, всегда остро чувствовали ценность автопортретно-исповедального жанра. История литературы знает поэтические исповеди Вийона, Петрарки, Шекспира, Гейне, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Бодлера, Блока, Цветаевой, Ахматовой и многих других поэтов. Известны литературно-прозаические портреты Челлини, Мюссе, Гоголя, Достоевского, Толстого, Горького, Пруста, Уайльда, Жермены де Сталь, Жорж Санд. Иногда исповедь соединяется с дневниковой формой, как это имело место в «Дневнике» братьев Э. и Ж. де Гонкур. Порой исповедь фиксирует девиантный тип поведения, к примеру, «Исповедь» Жан-Жака Руссо, «Исповедь хулигана» С. Есенина, «Это я – Эдичка» Э. Лимонова; «Мама, я жулика люблю» Н. Медведевой. Давно уже бытуют философские автопортреты, то есть мировоззренческие исповеди Эпиктета, Марка Аврелия, Августина, Боэция, Абеяра, Майстера Экхарта, Монтеня, Шатобриана, Ницше, Шестова, Розанова, Бердяева.

В свое время исследователь творчества Достоевского – Михаил Бахтин - заметил, что исповедальность как особое умонастроение характерно для большинства героев Достоевского, создавшего новый тип романа - роман-исповедь. Сила повести Б. Левита-Броуна также в наличии исповедального тона. Но одновременно она оборачивается и слабостью, так как гасит активность фабулы, превращает повесть в психологический монолог, обедняет сюжетную канву; в данном аспекте поэтика романа «...Чего же более?» выгодно отличается от повести. Но за все надо платить; на то и исповедь, чтобы говорить лишь о себе. Тем не менее, хотелось бы, чтобы повесть стала не только литературно-психологическим, но и социальным фактом, ибо такой армии, как она видится в повести, не должно быть.